

КИРИЛЛ

КАЗАНЦЕВ

КОЛЫЧЕВ РЕКОМЕНДУЕТ

БАНДИТСКИЕ СТРАСТИ

НАСЛЕДСТВО

УБИТОГО МУЖА

Кирилл Казанцев

Наследство убитого мужа

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8333373

Кирилл Казанцев. Наследство убитого мужа: Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-71111-6

Аннотация

После гибели мужа Евгении Шадриной переходят во владение не только его магазины, но и целая гора сложных и опасных проблем. Анонимные угрозы и нападение какого-то отморозка в собственном подъезде – это только начало. Соседка Шадриной, представившаяся майором полиции Эльвирой, приглашает Женю отдохнуть от проблем на пикник в заповедник, где обещает незабываемые впечатления. Поездка действительно оказалась незабываемой: чтобы выжить на том пикнике, Евгении пришлось превзойти себя и проявить невероятную силу, изворотливость, храбрость и самообладание. И, словно ангел-спаситель, к ней очень вовремя снизошла любовь...

Кирилл Казанцев

Наследство убитого мужа

В жизни можно полагаться только на самого себя. Да и то не советую.

Тристан Бернар

Сегодняшний день – пятница, 24 мая – оказался богатым на подарки. Я возвращалась с работы выжатая до предела, с настроением хуже некуда. Лифт, по обыкновению, курсировал до восьмого этажа – так уж устроено в нашем так называемом элитном доме (лифт хронически боится высоты). Я перенесла в подъезд свое измотанное трудами и одиночеством тело, сумочку, пакет с продуктами. Собралась ступить на лестницу, чтобы одолеть оставшийся этаж... и вдруг похолодела. Я никогда еще не подвергалась насилию в собственном подъезде! А сегодня и вовсе не была к тому расположена! Что-то шевельнулось в мглистом пространстве между стеной и мусоропроводом. Я повернула голову – и словно гвоздями прибили к полу. Вместо того чтобы бежать на свой этаж, я с нарастающим ужасом смотрела, как из тьмы вылупляется небритая физиономия с воспаленными глазами. Злоумышленник шагнул навстречу, простирая руку и пересекая «зону личного пространства». Слава богу, разморозило наконец. Говорят, все женщины на генетическом уровне боятся мужчин. Какой тут генетический уровень! Я его почти не

запомнила – красные глаза, свинцовая щетина, рука, выброшенная вперед, ничего другого в памяти не сохранилось. Я взвизгнула, и злоумышленник, растерявшись, отдернул руку. А я уже работала на ближней дистанции – бросила пакет на пол и сдернула с плеча сумочку. Не зря я купила этот угловатый стеклянный сосуд с жидким мылом и сунула в сумку, а не в пакет. Возможно, я промазала – хотела ударить пониже, а попала в висок. Но, клянусь, это был хороший удар! Злодей отшатнулся, что-то прохрипел и схватился за голову. Я тут же острым носком туфли протаранила его коленку, и он с сипом выпустил воздух. А я уже просочилась между ним и стеной, облицованной мрамором, и прыжками понеслась вверх, издавая тревожные позывные. На повороте обнаружила, что он бежит за мной, и в его руке что-то блеснуло – неужели нож?! Жуткий страх ударил в голову, и я громко завизжала, как резаная.

Вся эта «олимпийская эстафета» продолжалась считанные мгновения, показавшиеся вечностью. Перемахивая через ступени, я влетела на девятый этаж, выхватывая на ходу ключи из сумочки, и припала к своей двери. Сверкнула мысль: а как этот тип попал в подъезд? Территория огорожена, внизу консьержка – и не абы какая, а суровая и неприступная Тамара Николаевна, которая даже мэра не пропустит, пока тот не докажет, что его тут ждут! Я трясущимися руками вставляла ключ в замочную скважину, но он никак не хотел вставляться. Две двери, три замка, как я собиралась

с этим управиться? А грабитель (или все же насильник?) уже топал по последнему маршу. Он мог перекурить, позвонить другу, пока я воевала со своими замочно-скобяными изделиями! Вся надежда оставалась на мощь легких. Я уже готова была разразиться истошным воплем: «Люди, помогите!» Но тут с суровым лязгом распахнулась дверь по другую сторону от лифта, и из 17-й квартиры вынесло рослую, крепко сбитую женщину в короткой куртке и аляповатых джинсах. Она удивленно покосилась в мою сторону и захлопнула дверь. В собственных соседях я плохо разбиралась – ну, не любительница я общаться с соседями.

– Здравствуйте, – удивленно сказала соседка.

– Помогите... – прохрипела я.

Ее удлинненное лицо удлинилось еще больше. Дама навела капитальный макияж, надежно скрывающий возраст – и почему я это заметила? А за углом на последнем марше вдруг стало тихо. Злодей сообразил, что нас уже двое, и прервал свой бег. А я не могла преодолеть охватившую меня лихорадку. Один из ключей неплохо поместился в замочной скважине, но я забыла, в какую сторону его вращать!

– В чем дело, дорогая? – нахмурилась дама. – Почему волнения и беспорядки?

Я лишь икала и тыкала пальцем за угол. В этот миг раздался шум, и на площадку выпрыгнул злоумышленник. Он согнулся до упора, натянув воротник куртки на голову, чтобы лица не было видно, и без остановки промчался мимо нас.

Не напал, боже правый! Я вновь окаменела, по спине полз-ли ледышки. Он удалялся, убегая все выше и выше. Вот миновал десятый этаж, одиннадцатый и уже осваивал лестнич-ный пролет к последнему, двенадцатому. Шум затихал. «На крышу подался, – осенило меня. – Видимо, через крышу сю-да и попал: кто-то по халатности оставил незапертым люк!» Я стояла с открытым ртом, забыв, что нужно делать. Мож-но представить, какую гамму чувств отображала моя физио-номия. Соседка поколебалась, вышла к лестнице, прислуша-лась. Потом внимательно изучила мой трясущийся лик и за-метила:

– Милочка, вы как мой новый телевизор – хорошо пере-даете цвета. Что это было? Кто этот милый молодой человек, не пожелавший показать свое личико? Вы его знаете?

– Нет... – прохрипела я и стала сбивчиво повествовать о событиях последней минуты своей жизни. Желание ворвать-ся в квартиру и запереться на все запоры теряло остроту. Странно, но в присутствии соседки, которую почти не зна-ла, я уже не чувствовала себя уязвимой и беззащитной. Она участливо меня выслушала, покачала головой и, не говоря ни слова, отправилась вниз, помахивая сумочкой. Я остолбе-нела. Для кого старалась? Впрочем, дама быстро вернулась и протянула мне пакет с продуктами. Конечно, я же бросила его возле лифта!

– Держите, соседка, – засмеялась моя спасительница. – И перестаньте трястись. Ничего не случилось. Вас просто хо-

тели ограбить. Дело житейское. Небольшая встряска, дабы не забывали, что жизнь – не коробка с конфетами.

– Но надо же, наверное, сообщить... в милицию, – промямлила я.

– В полицию, – поправила дама. После чего опять подошла к перилам, задрала голову и прислушалась. Наверху было тихо. Если злоумышленник воспользовался люком, чтобы удрать, то можно представить, где он уже. Женщина поднялась на несколько ступеней, достала телефон и куда-то позвонила. Она говорила глухо, но в голосе звучали хорошо поставленные командирские нотки. В ушах звенело, я не слышала, о чем она говорит. Дама бросила телефон в сумочку и вернулась, располагаясь улыбаясь.

– Я и есть полиция, душечка. Не волнуйтесь, через десять минут прибудет наряд и во всем разберется. Считайте, что по знакомству, – подмигнула соседка. – Если этим бездельникам хорошенько не поддать, они и через час не приедут. Эльвира, – представилась она, – Эльвира Абакумова. Дорогая, может, вы сотрете наконец с лица это выражение? Все кончилось, забудьте.

– Евгения... Простите...

– Хорошие мы соседи, нечего сказать, – поцокала языком Эльвира. – Вы давно здесь живете?

– Несколько лет...

– А я – четыре месяца. Могли бы и раньше познакомиться, гм... И не при таких своеобразных обстоятельствах.

– Наверное, мы с вами приходим и уходим в разное время. Оттого и не пересекаемся. Впрочем, пару раз я вас видела... Это не вас привозила полицейская машина? Из нее выходила какая-то женщина в форме, а я как раз куда-то бежала, очень торопилась... Знаете, вы в форме совсем другая. А что у вас на погонах?

– Одна звезда, – рассмеялась Эльвира. – Но большая.

– Вы... майор?

– Ну, типа того. Заместитель начальника следственного отдела Центрального РОВД. Не смущайтесь, милочка, все в порядке, мы просто соседи. В общем, так, Евгения. – Ее голос вновь обрел начальственный тон. – Идите в дом, запиритесь и быстрее приходите в себя. Прибудет наряд – уж впусти-те его, не томите на пороге. Старший группы отзывается на фамилию Трофимов. Он капитан. Ему и изложите все, что наболело. А я, к сожалению, должна идти, еще увидимся, милочка...

Я ввалилась в квартиру в растрепанных чувствах и даже забыла поблагодарить свою соседку. Я действительно испугалась – хотя и не считала себя по жизни трусливой. Неприятности последнего времени, общая неустроенность плюс этот кипучий адреналин... Колючие глаза злоумышленника застряли в голове. Это было случайное нападение или злодей подстерегал именно меня – беззащитную, ранимую и со всех сторон уязвимую? Я заперлась на все замки, потом носилась по огромной пятикомнатной квартире, проверяла, закрыты

ли окна. Зачем мне эти безразмерные апартаменты в так называемом элитном доме? Тут есть такие комнаты, куда я даже раз в неделю не захожу! В доме ни кота, ни рыбок, ни мужа... Я одернула себя, когда машинально распахнула шкаф, чтобы убедиться, что в нем никто не затаился. «Все, – сказала я себе, – не дури, хватит. Эльвира права. Откуда этот неконтролируемый страх?» Я задернула в зале шторы, обозрев предварительно пожарную лестницу, пролегающую рядом, и меня снова затрясло. Если кто-то вздумает забраться в квартиру по этой лестнице... Пинка достаточно, чтобы разбить стекло! Почему я не ставлю сигнализацию, почему всю жизнь полагаюсь на консьержку?

Эмоций в голове было много, и я позвонила своему горе-любовнику. Хотя могла догадаться, что сейчас не самое удобное время.

– Здравствуй, дорогой, – простучала я зубами. – Это я, твоя суррогатная жена...

– Женечка, ты обалдела? – испуганно зашипел в трубку Вадим, давно приученный к моему извращенному чувству юмора. – У меня совещание не кончилось, жена на улице в машине ждет...

– Вадик, на меня напали, – вздохнула я.

– Послушай, дорогая, сейчас не время... – Он перешел на сдавленный шепот. До него вообще не доходили мои слова, прокурор, блин! – Подожди. – Кажется, все-таки дошло. – Что ты сейчас сказала?

– На меня напали, – терпеливо повторила я. И зачем-то добавила: – А ты прокурор.

Вадим провалился в ступор – видимо, выискивал связь между двумя последними утверждениями.

– Послушай, дорогая, – понял он наконец, в чем собака зарыта, – все в порядке, просто после прошлогоднего инцидента с твоим похищением у тебя разыгралась фобия. Тебе везде мерещатся заговоры, преступления и всякие злопамятные личности. На самом деле мир гораздо проще, милая. Ну, скажи мне честно: кто на тебя мог покушаться?

Действительно, я такая страшная, что на меня даже покушаться не могут? Вадик в своем репертуаре, и в этом не было никакой патологии.

– Ладно, забей. – Я не стала усугублять свое разочарование в сильном поле. Вадим не прав, считая, что если он не женщина, то он – мужчина. Видимо, я успокоилась, стоило лишь услышать его вибрирующий голос. – Намекаешь, что твоя жена уже вернулась из дальних странствий и ты не в силах запретить ее ввоз из Голландии?

Он буркнул что-то невразумительное.

– Придешь сегодня? – продолжала я испытывать его на «вшивость». Он снова что-то заблеял. Ох уж эти принципиальные прокурорские работники! – Нарушение хотенции, милый? Ввиду возникновения на горизонте прелестной половинки? Ладно, забудь. Я не звонила. – И с грохотом швырнула трубку. Вернее, надавила большим пальчиком на сен-

сорную клавишу и выдала в пространство загогулину на устном русском.

Грустить не получалось. Я шаталась бестелесной сомнамбулой по квадратным метрам, остро ощущая, что в этой жизни надо что-то менять. Например, продать все и уехать в Испанию – где и умереть, никому не нужной и всеми забытой. Полиция не приезжала (я пока еще помнила, что она должна приехать, у меня отличная девичья память). Тогда я решила наполнить голову свежим содержанием – откупорила початую бутылку мартини и выпила целый бокал. Забралась на диван, укрылась пледом, удачно совпадающим по расцветке с колеровкой дивана. Замаскировалась, блин. Месяц май в Сибири выдался не самый тропический. Отопления в квартире уже не было, тепла на улице еще не было...

Я задремала – и появление родной полиции поставило меня в серьезный тупик. Хорошо, что они не стали выламывать дверь, а терпеливо ждали, пока я открою – размочаленная, с глазами, бегающими по кругу.

– Грустим, гражданочка? – хмуро усмехнулся обладатель капитанских погон, отзывающийся на «капитана Трофимова». – Вызывали скорую правоохранительную помощь?

Ботинки они, конечно, не сняли, и пришлось после их визита мыть пол. Даже не знаю, как я это пережила. Такое ощущение, что меня в чем-то подозревали. Люди в форме шатались по квартире, заглядывали во все углы, оценивали итальянскую мебель, купленную еще живым мужем, пытливо

обследовали потолки, качество паркета, осветительных приборов. Завистливо цокали и поглядывали на меня без всякой жалости. Усатый капитан Трофимов был каким-то потеряннным. Разговорчивый, как Герасим, он хмуро косился на меня, временами рассеянно ощупывая свои карманы. Так и подмывало спросить: «Взятку потеряли, товарищ капитан?» Потом за работу взялись мастера бумажного творчества. Молодой сотрудник с мучнистой физиономией долго и кропотливо, продираясь сквозь азы русского языка, заполнял протокол, а капитан зевал и заглядывал ему через плечо.

– Шадрина Евгения Витальевна, тридцать два года... – бормотал «канцелярский» работник, вписывая в документ корявые строки. – Русская, незамужняя, бездетная, проживающая по адресу: улица Крылова, дом... Озвучьте, пожалуйста, место работы, Евгения Витальевна, – если таковое существует... Отлично, так и запишем: малый бизнес, владелец сети продуктовых супермаркетов «Корзинка»... Не супермаркетов, говорите? Это не важно, Евгения Витальевна, на процедуру расследования данная информация не повлияет...

– Это не вас похищали полтора года назад, Евгения Витальевна? – бестактно бухнул Трофимов, завершив очередное ощупывание своих карманов. Громкое было дело, потерпевшую неделю держали взаперти в подвале под ремонтируемым стадионом «Спартак», шантажируя мужа. Фамилия этой страдальицы тоже была Шадрина. Похитители пытались

получить долю от бизнеса мужа. Полиция сработала не столь оперативно, но... – Капитан ухмыльнулся: – Грамотно. По ходу освобождения заложницы был застрелен один из похитителей, получил ранение в ухо сотрудник полиции...

– Но не пострадало ни одно животное, – вздохнула я. – Через несколько месяцев после торжественного освобождения гражданки Шадринной ее мужа застрелили, когда он выходил от любовницы. Вдове перешел хиреющий бизнес мужа, к которому тянут лапы криминальные структуры, на что полиция взирает отстраненно и равнодушно... Может, к делу, господа полицейские?

– Расскажите, как выглядел злоумышленник, – попросил мужчина, заполняющий протокол.

И что я должна была им ответить? Впрочем, что-то ответила. Про свинцовую щетину, колючие глаза, про лапу, на внутренней стороне которой средний палец уродовали два диагональных белых шрама. Это я точно запомнила. Про куртку, которой он закрывал голову, – без особых примет и цветовых особенностей. Полицейские поглядывали на меня с недоумением.

– Весьма странно, Евгения Витальевна, – вкрадчиво изрек капитан Трофимов. – Вы не заметили ни одной нормальной приметы напавшего на вас человека, но уверенно говорите о двух шрамах...

– Во-первых, – перебила я, начиная потихоньку зеленеть, – с каких это пор выпуклые шрамы на пальце являются

ненормальной приметой? У вас они есть? Или у кого-нибудь из присутствующих? Во-вторых, меня в чем-то подозревают? В-третьих...

– Может, это Тарантул, товарищ капитан? – предположил еще один присутствующий – относительно молодой, с тусклым блеском разума в глазах. – Ну, тот, который Паученко, из Первомайской ОПГ? Грешил подобными вещами, проникал в подъезды, поджидал граждан. Беспредельщик, даже братва его отчислила из своих рядов. «Откинулся» пару лет назад, давненько что-то о нем не слышали.

– Ну, не знаю, Павлуша... – ответил Трофимов. – У Паученко есть такие шрамы?

– А хрен его знает, товарищ капитан, – чистосердечно признался полицейский. – Вроде не было, но дело наживное.

– Вы знаете, что такое ОПГ, Евгения Витальевна? – ехидно осведомился Трофимов.

– Знаю, – кивнула я. – Общество приличных граждан. Вы найдете злодея, господа полицейские? А вдруг он снова явится и снова нападет?

Трофимов и «писарь» смутились, а третий отвернулся и замурлыкал в пространство что-то в духе «Не обещайте девушкой...».

– Мы будем работать, гражданка Шадрина, – откашлявшись, пообещал Трофимов. – Но согласитесь: как мы можем искать злоумышленника, если не знаем, как он выглядит?

Даже мне было ясно, что искать преступника эти занятые

люди не будут. Они и не приехали бы сюда, кабы не рык соседки. Последняя явилась в тот момент, когда эти «добрые люди» собрались уходить. Она уже сделала свои дела, вернулась и стала наводить порядок. Подмигнула мне из прихожей, поманила пальчиком Трофимова. И сразу же в моей квартире воцарилась деловая атмосфера.

– Все в порядке, милочка, – шепнула Эльвира, подтолкнув меня к спальне, – ступайте, отдохните, а эти люди пусть работают. Им за это деньги платят. Но не будем идеалистами. Очень сомнительно, что уже сегодня они отловят напавшего на вас человека. Пусть хотя бы попытаются, поработают. Не возражаете, если завтра или послезавтра я к вам загляну?

К полицейским прибыло подкрепление, и я невольно зауважала свою соседку. Видать, неслабый пост она занимала в своем ведомстве. Дело пошло веселее. Я слышала, как переговариваются полицейские. Консьержка Тамара Николаевна была уверена, что мимо нее никто не проходил – тем более обладатель свинцовой щетины и подозрительных глаз. Женщина оскорбилась: да чтобы ее подозревать в нерадивом исполнении своих обязанностей! Тамара Николаевна действительно оказалась не в теме. Злодей воспользовался люком на крыше. Он подцепил крышку ломиком (который прилагался к уликам, оставленным на месте преступления), порвал сварной шов, закрепляющий скобу, и беспрепятственно проник в подъезд. На крышу он попал элементарно – с соседней 12-этажной «свечки», построенной в 70-х годах прошлого

столетия. Наш «элитный» дом относится к порочной точечной застройке – его вlepили там, где негде и машину поставить. Обветшалые пятиэтажки и брежневские бетонки окружают его, как гопники ночного прохожего. Два дома практически смыкаются, остальные теснятся на небольшом удалении. Люк на крыше в соседнем доме хронически не запирается. Тем же способом злоумышленник и смылся, когда понял, что дело не выгорело. Очевидцев, понятно, не было ни в нашем доме, ни в соседнем. Ломик обещали проверить на наличие отпечатков пальцев. Непонятным оставался вопрос: зачем этот парень столь хитроумно проник в наш подъезд? Хотел подкараулить любого из богатеньких жильцов или действовал адресно? А если последнее, то чего хотел-то? И почему его так смутила соседка? Он ведь не знал, что она работает в полиции. Или знал?

Бравые «копы» явно переработали. Капитан Трофимов торжественно пообещал, что правоохранительные органы сделают все возможное (а как иначе, это их прямая обязанность – защищать покой мирных граждан), и вся братия удалась, брякая амуницией и излучая сияние профессионального мастерства. Закрыв дверь, я опять почувствовала страх. Что-то пощипывало нервы, как бы намекая, что неприятности могут возобновиться. Пусть даже не сегодня, не завтра... Я позвонила своей единственной подруге Шуре Казначеевой, поплакала в жилетку, выслушала уверения, что она обязательно ко мне подскочит, и наконец-то скинула с се-

бя опостылевшую одежду. Закутавшись в халат, побрела в ванную, постояла у зеркала, отражающего худощавую скуластую особу. Она была уныла и излучала покорность фатуму. В когда-то красивых (по уверению многих) глазах совсем не осталось жизни. Стриженные волосы болтались клочками. Происшествие в подъезде лишь добавило импульса надвигающейся безысходности. Я скинула халат, забралась под душ, пока не охватило окончательное безразличие...

Через час в моем «холостяцком» жилище нарисовалась Шура Казначеева. Я убедилась, что это именно она, спросила пароль и только после этого впустила. Ехидно напевая «Светофоры, дайте визу, едет «Скорая» на вызов», Шура ввалилась в прихожую – вся такая эффектная, пышнотелая, одетая с иголки – и пристально воззрилась на меня. На этой неделе она была каштановой. Мы дружили пятнадцать лет, вместе окончили бизнес-факультет технического университета (Шура после этого ни дня не работала, а на что жила, не признавалась даже мне, хотя я догадывалась). Красавицей моя подруга не была, но эффект на кобелей производила неотразимый – мужики у нее менялись с частотой подачи патрона в автомат Калашникова.

– Ну ты и опущенная, блин... – протянула Шура своим фирменным грудным голосом. – Что случилось?

– У кого? – слотнула я.

– У нее, – кивнула она на мое щуплое отражение в настен-

ном зеркале. – Ты позвонила, сказала, что на тебя напали, убили, ограбили, изнасиловали. Излагай. С кем ты вступила в противоестественную связь?

– Может, пройдешь? – слабым голосом предложила я.

– Пройду, – тряхнула рыжими кудрями Шура. – И не только пройду. Но сначала излагай. Умираю от нетерпения.

Я изложила – краткими тезисами.

– Вот такой мужик, – показала большой палец Шура, имея в виду, очевидно, несостоявшегося грабителя, насильника и убийцу. – Упустила ты момент, подруга. Ну ничего, не расстраивайся, – засмеялась она язвительным бархатным смехом, сочувственно похлопав меня по плечу, – в нашей жизни будет еще много упущенных моментов.

– Ты добрая, – пробормотала я.

– Конечно, – удивилась Шура. – Ты всегда можешь на меня положиться. Итак, зови к столу, посидим, постоном, ты побудешь тряпкой, я – жилеткой. – Она скинула игривую леопардовую курточку и покрутилась перед зеркалом, любуясь своими неувядающими формами. В пакете, пристроенном под ноги, что-то призывно позвякивало.

– Не пью, – вздохнула я.

– Ты наказана? – изумилась подруга. – А ну, отставить эти депрессивные штучки! Это просто мартини. Один маленький литр.

– Опять мартини... – обреченно застонала я.

– А что не так с мартини? – Шура извлекла из паке-

та бутылку, недоуменно оглядела ее, зачем-то перевернула, осмотрела донышко. – И прекрати капризничать, – рассерженно проговорила она и уверенным шагом направилась в гостиную, где по-хозяйски стала двигать мебель и извлекать из бара безалкогольные газированные напитки. Впрочем, все остальное Шура принесла с собой – высыпала из пакета пахучий козий сыр, гигантские оливки, полосатые креветки, подозрительно закрученную колбасу с запахом хвои. Не успела я моргнуть, а она уже взяла процесс в свои железные руки и стала разливать мартини, тоник.

– И чего стоим? Лед тащи!

– Ты на машине? – спросила я, возвращаясь с кусочками льда, взятыми в холодильнике.

– Это не машина – отмахнулась Шура, цепляя щипцами кубик льда и погружая в бокал. – Давно пора собраться с духом и деньгами и купить себе нормальную тачку.

Я чуть не поперхнулась. Серебристый «Лексус LX» позапрошлого года, способный нагнать ужас на всех участников дорожного движения, – уже не нормальная тачка?

– И тебе, Женька, давно пора расстаться с деньгами и взять себе что-нибудь приличное, – назидательно сказала подруга. – Ездишь на своей задрипанной «Мазде», как какая-то бомжиха. Не стыдно перед людьми?

– Ну, извини, – снова вздохнула я. – Чтобы расстаться с деньгами, надо с ними сначала встретиться.

– Тоже верно, – ухмыльнулась Шура. – Ну, давай за встре-

чу. С деньгами. Ну, и с хорошим мужиком, конечно.

Последний посыл адресовался исключительно мне. У Шуры с сильным полом проблем не возникало. Мужики вились вокруг нее, как мухи вокруг бочки с медом. В ее жизни мелькали какие-то бизнесмены, депутаты, смазливые студенты (видно, для души, а не для денег), был даже один мужчина – зубной техник, попутно поменявший ей все содержимое рта, хотя и предыдущее содержимое было вполне еще сносным. Про мой роман с прокурором Вадиком Суховеевым она была в курсе и не уставала его критиковать, в чем была, безусловно, права.

– А прикольно, – засмеялась Шура, отставляя початый бокал. – Я так удачно припарковалась у твоего дома, что чуть не свернула задницу какому-то «Инфинити». Не волнуйся, его обладатель меня уже полюбил, умолял не обижаться и сунул визитку, согласно которой он трудится руководителем отдела финансовых операций «Топлесс-банка»... «Танекс-банка», – поправилась она, заметив, как у меня от удивления вытянулось лицо. – Между прочим, очень приятный и положительный с виду мужчина. Мне неловко. За десять минут я разбила сердце женатому человеку.

– Напомни, – откашлявшись, сказала я, – у тебя, кажется, сейчас ответственный менеджер с завода кока-колы. Наивный, доверчивый, но русским языком немного владеет. Пару дней назад ты еще не отправила его в отставку...

– И сейчас не отправила, – кивнула Шура, – он очень ми-

лый. А при чем здесь это?

Действительно, при чем?

– Последние выходные с этим парнем у нас прошли с превышением скорости, – похвасталась любвеобильная подруга. – Мы не заметили, как промчалось время. Только и успели лечь в постель... Ну требует душа тела, как ей откажешь?

– У тебя бывают выходные? Прости, хотела сказать, будни?

– Конечно. – Шура устала на меня как на болванку, не понимающую элементарных вещей. – Лично у меня, возможно, нет, но у этого подневольного парня – как у всех замордованных людей... Да что мы все о работе? Давай о тебе. Не нравишься ты мне, Евгения. Если так пойдет, то все мои усилия по приведению тебя в божий вид коту под хвост. Ну хорошо, в доме у тебя пока порядок, тут полный нормалек... – Она критически обозрела интерьер гостиной, которую я драила прошлой ночью, отчаявшись уснуть.

Я не стала ей напоминать, что порядок – частный случай беспорядка. В моей натуре постыдный пунктик. Пусть я даже сопьюсь, потеряю человеческий облик, но всегда в перерывах между запоями буду что-то чистить, драить, пылесосить, избавляться от вредоносных микробов и пылевых клещей. Такова натура, я хронически не выношу грязи. Я ее боюсь и трепещу перед ней. «Ангел чистоты ты мой, – ласково журил в первые годы нашей семейной жизни покойный Олежка, выплясывая на свежевывитом полу. – Жрица по-

рядка ты моя, богиня уюта, мастерица клининга, чтоб тебя...» Шура Казначеева выражалась более конкретно. «Ты больная, подруга, – убеждала она, крутя пальцем у виска, – тебе лечиться надо. У тебя мизофобия – навязчивый страх перед грязью. Он же гермофобия – боязнь микробов. Он же бациллофобия, рулофобия и бактериофобия. Выбирай любое, что на тебя смотрит, – и пулей к психотерапевту, пусть он тебя вылечит. И не спорь. Ты переоцениваешь риск пагубного воздействия микробов». И бесполезно ей доказывать, что микробов я не боюсь, просто меня мутит от вида грязи...

Время летело незаметно, мы даже не почувствовали, как «уговорили» бутылку. Я жаловалась на жизнь, на то, что бизнес не идет, на недоброжелателей, на засаду в личной жизни (а встречи с пугливым прокурором – еще какая засада), а тут еще и сегодняшний случай, когда меня смертельно напугали...

– Забей, – твердила, как попка, Шура, – это было типичное недоразумение. Обычный грабитель – собирался тебя почистить. Его спугнули, и больше в этот подъезд он не придет. А если видел, что работала полиция, то давно не придет... – Ее развезло, она была в своем репертуаре и вещала с надрывом: – Черт тебя подери, подруга, когда же ты выберешься из своего болота? Что в нем может нравиться? Продавай, к чертям, свои отстойные магазины – приличные люди по таким заведениям не ходят. Предлагают задешево – отдай задешево, пусть подавятся. Уезжай из этой квартиры –

на хрена тебе такие хоромы? Приобрати нормальную «трешку», возьми приличную тачку... В общем, так, подруга. Первым делом, чтобы выбраться из жизненной ямы, тебе нужно поменять работу, молодого человека, место жительства, моральные принципы, сексуальную ори... – Она запнулась, но тут же снова заговорила: – Впрочем, последнее – на любителя. Встряхнись, начни хоть что-то делать. Ситуация, в которой ты застряла, тебя погубит. Мне жалко смотреть, как ты впустую расходуешь свои последние относительно молодые годы... Ты что, с соседкой познакомилась? – Вспомнив об этом, Шура попыталась сфокусировать на мне свой взгляд.

– Ну, вроде да, – пожала я плечами. – А что? Она в полиции работает, большим начальником... Она и вызвала группу... Эльвира спасла меня, между прочим...

– В полиции, говоришь... – задумалась подруга. – Знаешь, Евгения, это не страшно. Менты опасны, когда ты их не знаешь. Когда они твои соседи, это в корне меняет дело. Вот у меня когда-то был сосед по площадке, в ОМОНе работал... Впрочем, лирика, проехали. Держись за эту тетку, познакомься с ней поближе, так и быть, не буду ревновать. Слушай, а ты не знаешь, почему я тут сижу? – Шура мрачно уставилась на циферблат настенных часов. – Е-мое, уж полночь близится... – Она предприняла попытку встать с кушетки. Я успела метнуться, и посуда не пострадала, когда она рухнула обратно, взъерошивая свежеевыкрашенную шевелюру. – Слушай, подруга, у тебя переночевать не найдется?

– Да ради бога, – пожалала я плечами. – Четыре комнаты в твоём распоряжении.

– Хотя нет, поеду, – передумала Шура. – Боюсь у тебя ночевать, у тебя тут привидения, грабители, духи мрачные витают. Да и Рудик, опять же, заждался...

Она добрела до прихожей, втиснулась в сапожки, натянула куртку. Задумалась, в какой части света может пребывать ее сумочка, и очень удивилась, обнаружив ее на плече.

– Вот скажи честно, Шура, – спросила я, – как на духу. Ты правда в таком состоянии хочешь сесть за руль?

– А что не так с моим состоянием? – озадачилась подруга и погрузилась в глубокие раздумья. – Да, ты права, – кивнула она, – устала я сегодня... – и, порывшись в кармане, достала телефон и вызвала абонента. – Рудик, дорогой, ты готов за мной хоть на край света? Вот и славно, солнышко. Бери такси и дуй по адресу... Найдешь на лавочке свою любовь, а также ее машину. У тебя есть десять минут, Рудик, жми на все педали. Не уложишься в норматив – выйдешь в отставку... Ну, все, подруга, – дыхнула она мне в лицо выпитым и съеденным, – не скучай, не хандри, веди себя прилично. И помни, что я рядом и ты всегда можешь на меня положиться... Да, не забывай, что в мире есть много занятий поинтереснее работы. И второе: все твои желания сбудутся, стоит только расхотеть.

Все ее мудрые установки рассыпались в прах, стоило толь-

ко лечь в постель. Я вертелась на простыне как коленчатый вал, вспоминала свою молодость, глотала слезы. Институт, родители умерли с интервалом в месяц. Мама зачихала после того, как отец, поскользнувшись на ледяной горке, попал под трамвай под номером 13. Удар был ниже пояса, я оправлялась от него несколько лет. В наследство от мамы досталась бронхиальная астма. К пубертатному периоду я «выросла» из нее, но сохранились нарушения в легочной системе, нездоровые бронхи, досадные отклонения с иммунитетом. Врач попался толковый, ремиссия продолжалась несколько лет. Но в двадцать пять, когда я уже самостоятельно осваивала эту жизнь, трудясь менеджером в крупной торговой сети, снова начались приступы удушья, и я загремела в областную больницу. Некий умник от медицины назначил лечение антиконвульсантами, убедив меня, что это модно и эффективно. А патогенез астмы очень схож с патогенезом эпилепсии и мигрени. От такого новаторства приступы пошли веселее и зажигательнее. Я ощущала себя подопытным кроликом. С будущим мужем я познакомилась именно в больнице. Не знаю, где он меня заприметил, возможно, на прогулке, но с некоторых пор я стала замечать, что пациент из отделения неврологии частенько околачивается рядом. Олежа был бизнесменом, перенес операцию по восстановлению связок на ключице. Он первый со мной заговорил – и покатилося... «Лошадки» бегали по кругу, мысли путались. В 33 года он был видным, интеллигентным, самостоятельным.

Излучал обаяние, как целый выводок щенят. Я влюбилась по уши – и он туда же. Больничный роман перерос в дальнейшую счастливую жизнь. Его уже выписывали – здоровым, с исправно работающей рукой. Он возмущался: тебя тут залечат! Не успела я глазом моргнуть, как он извлек меня из надоевшей больницы, и «долечивалась» я в частной клинике, где главврачом был лучший друг Олежки. Приступы пошли на спад, и через полгода консилиум торжественно объявил: уникальный случай. Болезнь загнали настолько глубоко в организм, что можно говорить о полном выздоровлении! Свадьба, месячный отдых в Италии, где мы заблудились в колоннах Колизея и битый час занимались любовью на почтенных античных руинах...

Семейная жизнь выдалась полосатой. Страсть притупилась, детей у нас не было. Один из нас оказался бесплоден, хотя я точно знала, что это не я. Хотелось детей – пусть даже не своих. Но Олежка постоянно отнекивался, ссылался на кромешную занятость, финансовые трудности. Насчет трудностей он явно преувеличивал, в первые годы его бизнес процветал. В добавление к нескольким ресторанам он приобрел сеть продуктовых магазинов «Корзинка», разбросанных по городу, превратил их во вполне приличные точки «у дома». Проблем с законом он в ту пору не испытывал, проворачивал неплохие сделки. Когда среди плотной застройки улицы Крылова вырос этот 12-этажный монстр, окольцованный решетчатой оградой, он купил в нем 5-комнатную

квартиру. Я в ту пору не работала – муж настойчиво не рекомендовал это делать. «Бережешь меня, как заначку», – ворчала я, слоняясь по квартире с тряпками. Предложения нанять домработницу натыкались на упорное сопротивление с моей стороны. Я мыла, чистила, скребла, готовила, а он с тоской смотрел на это. Бизнес захватывал Олежку с головой. Но он еще и помогал мне, сочувствовал, что-то готовил. Есть его стряпню было невозможно. «Фирменные котлеты, – окрестила я их, – "Дожем до понедельника"». И всячески отлучала мужа от кухни, будучи уверенной, что каждый должен заниматься своим делом. Точно не помню, когда наша жизнь дала трещину. Мы по инерции обзывали друг дружку «котятками» и «зайками», он дарил подарки – то маленькую машинку из семейства «Мазда» совместно с водительским удостоверением, то элегантный корм для моли (кажется, из песка). В какой-то момент я обнаружила, что его занятость на работе сильно преувеличена. Олежка обзавелся миловидной шлюшкой и дважды в неделю проводил с ней время. Я закатила такую сцену «верности», что дрожали стены. Он клялся в вечной любви, обещал бросить любовницу, ползал в ногах, уверяя, что я для него – вершина мира. Я простила. Вершина мира – было сильно. Но начиналась агония. Он продолжал мне изменять, хотя и стал немного умнее. Я тоже в долгу не оставалась, пару раз переспала с его приятелем и деловым партнером. Но в любом случае он оставался мне мужем – самым близким человеком. Надеюсь, что и я для

него. Потом над бизнесом сгустились тучи. Он мрачнел, изъяснялся какими-то витиеватостями. Выяснилось, что он не смог вернуть кредит, взятый на развитие бизнеса, – сподличал парень, с которым я переспала. Упомянутый тип исчез с горизонта, никто о нем больше не слышал. Олежкин бизнес покотился под откос. Он спас лишь «Корзинку», от остальных активов, включая рестораны и мелкую недвижимость, пришлось отказаться. Но и этого недоброжелателям оказалось мало. Я не знала, на чем он погорел, он не откровенничал, но влип Олежка по уши. Из него что-то вымогали, а он не отличался сговорчивостью. Я поняла это со всей пронзительностью, когда в один погожий день на меня напали в подворотне, заткнули рот, натянули на голову мешок и потащили в машину. Очнулась я в подвале, напичканном трубами и прочей проржавевшей сантехникой. Трещала голова – ее наполнили чем-то усыпляющим. Как в дешевом триллере про киднеппинг, надо мной склонялись люди в масках, щупали меня, глумились хриплыми голосами. До изнасилования, слава богу, не дошло, цель у похитителей была другая. Меня оттащили в угол, бросили на пахучий матрас и прикопали к трубе. «Не трогать девку, – распорядился некто в маске. И добавил под одобрительное урчание единомышленников: – А если муженек не одумается, то, зуб даю, мы ее отколбасим». Несколько суток я провела в состоянии махрового ужаса, думала, что сойду с ума. Сердце замирало, когда кто-то из похитителей ко мне приближался. Меня кормили

китайской лапшой, поили теплой минералкой и постоянно надо мной издевались. Хорошо, что в устной форме. Не секрет, что у Олежки вымогали бизнес. Мне самой было интересно, как он себя поведет. На третий день состоялся визит спецназа – то есть бизнес свой Олежка отдавать отказался, а подключил связи. Подвальное помещение под стадионом «Спартак» наполнилось гамом, руганью, хлопали выстрелы, от которых я окончательно обезумела. Пули свистели над головой, бились в стены (один из победителей позднее пошутил: полицейским теперь разрешено не целиться). Похитители сопротивлялись – одного из них пристрелили. Он рухнул рядом со мной с распахнутыми глазами, обливаясь кровью, а я подтягивала под себя колени и даже не сомневалась, что если выживу, то пропишусь в дурдоме. Видимо, Олежке удалось вычислить похитителей и чем-то подманить правоохранительные органы. Несколько дней я лежала в больнице, приходя в себя, а мой муж кругами ходил вокруг палаты и ночевал на коврике под кроватью. На него забавно было смотреть – он вел себя как преданный пес. Снова клялся в любви, рвал на груди тельняшку, кричал, что никогда больше такого не допустит. Строил врачей. Мне кололи какие-то лекарства, обследовали, словно древнюю мумию. А меня при этом донимал вопрос: что же показало вскрытие? С ума я не сошла, нервная система оказалась крепче, чем предполагалось. Но из прострации я выбиралась долго, шархалась от любого шороха, затыкала уши при звуке незна-

комых голосов. Меня допрашивали люди в полицейских погонах. Где-то на этом этапе и сверкнул заместитель районного прокурора Вадик Суховеев – смазливый 35-летний субъект, умудряющийся сочетать в себе застенчивость с наглостью. Он приударил за мной после допроса, делал неприличные предложения – в духе «стоит ли время тянуть, вы чертовски привлекательны, я чертовски привлекателен...» Еще и пошутил: «А если не согласны, заведу на вас дело». Это, кстати, была его единственная удачная шутка за все последующие полтора года...

Смотреть на своего Олежку у меня уже не было ни сил, ни желания. Я снова окунулась в разврат, обливалась стыдом и страхом. Вадик подбирал меня на обочине, как какую-то шалаву, вез в мотель или захолустную гостиницу и там по-быстрому делал то, чего не получал от жены. А я при этом гадала: мне оно нравится или нет? От конкурентов мой Олежка избавился (слава российской полиции), хотя могу представить, каких денег ему это стоило. Он провернул удачную сделку – и дела снова пошли в гору. Он цвел, носился со мной как с писаной торбой, не замечая, как жена все глубже погружается в порок. Прикупил еще пару торговых помещений, одно из них – в «престижных» двух шагах от центральной площади. Добыл денег, чтобы выкупить обратно свои рестораны, укреплял службу безопасности, открыл магазин в пригородном Краснообске. «Ну все, родная, теперь мои дела никто не пошатнет, – хвастливо заявлял Олежка. – Через год мы ста-

нем богатыми и знаменитыми. Мы же хотим пройти испытание богатством и властью? Я тут думаю, родная, а не податься ли мне в народные избранники? Освободилось местечко в районном совете, и есть фигура, способная мне это местечко забронировать...»

Он ушел из жизни через день после пышного заявления – оставив светлую память о проделанной работе. Неизвестный в вязаной шапочке застрелил Олежку, когда он выходил от любовницы на улице Связистов. Я приняла эту новость стоически (особенно про любовницу), ноги подкосились лишь на похоронах, я чуть не грохнулась вслед за ним в могилу. Целую неделю жила в оцепенении, оглохшая, ослепшая, пила с Шурой (благо повод был что надо), после чего она заявила, что не может больше меня такую видеть, и купила мне путевку во Вьетнам, где зимой и летом все одинаково. Всю неделю я проспала в гостиничном номере, не реагируя на райские красоты и местных героев-любовников. Вернулась успокоенная и почти восстановившаяся. А на второй день блуждания по квартире с изумлением констатировала, что мне осталась от Олежки не только светлая память, но и некоторые темные стороны его жизни, включающие пока не обнуленный банковский счет и сеть магазинов «Корзинка».

Я вникала «с колес», благо у Олежки был порядочный и не очень жадный управляющий – некто Бердник, бывший директор центрального гастронома. За год моя компания не развалилась и даже приносила небольшой доход. Поначалу

я действовала мягко, за что меня и журил Лев Васильевич. «Вы слишком мягкотелы, Евгения Витальевна. Чего вы возитесь с этими бездельниками на кассе во «Флагмане»? Не нравится им работать три дня по цене одного? Пусть ищут другое место – клянусь, не найдут». Потом опять пошли проблемы. Пожар в магазине на Зырянской – благо «огнеборцы» добрались без пробок. Ограбление на Космической – грабитель в маске, угрожая «предметом, похожим на пистолет», обчистил кассу на 18 тысяч и довел до транса всех работниц. Внезапная проверка, по итогам которой налоговых дел мастера делали загадочные лица, хотя меня никак нельзя было назвать злостной неплательщицей. Перевернулась машина с продуктами, внезапная санитарная проверка с заоблачными штрафами. Вокруг многострадальной торговой сети царил мышьяк. Я, в принципе, догадывалась. Магазины сети «Корзинка» сами по себе никого не интересовали, но они находились в невероятно «хлебных» местах – в самых проходимых точках города. «Вадик, ты же мне не чужой, – донимала я своего любовника. – Ты прокурор или кто? Что происходит? Я честно работаю, чего от меня хотят?» Вадик смущался, алел как мак, обещал разобраться, но так и не обрелся. Я понимала, что он не всемогущ – хотя и был по-своему неплохим человеком. «Может, тебе продать этот бизнес к чертовой матери? – заявил он однажды со смущенным видом. – Будешь спокойно жить – без нервов, заморочек. Ты пойми, дорогая, это не гопники под тебя копают».

В активное противостояние злоумышленники не переходили. Инциденты прекратились, но тучи плавно сгущались. «Помнишь девиз рестораторов, Женька? – сказала однажды Шура. – В любой непонятной ситуации первым делом меняй вывеску». У меня не было финансовых возможностей это сделать. Потом был ночной телефонный звонок. Вкрадчивый голос посоветовал продать бизнес – полюбовно, цивилизованно, при этом предложил такую цену, что чувство возмущения переплюнуло чувство страха, и я швырнула трубку. Незнакомец перезвонил на следующий вечер, сообщил, что не любит, когда собеседники швыряют трубки, и что его предложение остается в силе. Деньги нормальные, больше не предложат. «Вы кто такой? – процедила я, поражаясь своей отваге. – Проверяющий из Москвы, мать вашу? Бойтесь показать лицо?» Собеседник рассмеялся утробным смехом и сообщил, что не видеть его лицо – в моих же интересах. А все переговоры и подписания документов будут сопровождать официальные юристы, и мне нечего беспокоиться. «А если не соглашусь? – хамила я. – Плеснете в лицо серную кислоту? Сожжете квартиру, машину?» – «Что вы, Евгения Витальевна, как вы можете такое подумать? – пожурил меня абонент. – Мы цивилизованные люди и, в принципе, ваши друзья. С вами ничего не случится. С вашим бизнесом – тоже. Вы можете свободно волеизъявляться и трудиться как трудились – через не хочу и не могу, отчаянно борясь с государственными и неформальными структурами. Скажите,

оно вам надо? Вы же молодая привлекательная женщина, зачем вам этот геморрой? Пусть работают те, у кого это лучше получается».

Мое упрямство, засидевшееся «в девках», вылезло наружу. По-видимому, я чего-то не знала о своем характере. Я сократила сеть на два заведения – удалив из нее две отдаленные точки. Высвободившиеся средства отправила на придание остальным современного облика (чтобы покупатели не пугались). Работа кипела. «Вкрадчивые люди» присутствовали исключительно за кадром и пока не вмешивались. Прошла зима, началась весна. Я сводила концы с концами, но уже всерьез задумывалась: не обменять ли мне квартиру на что-то более соответствующее моему нищенскому статусу? «Женька, избавляйся от головняка, – твердили в один голос Вадик Суховеев и Шура Казначеева. – Твое упрямство не доведет тебя до добра». Они заочно не выносили друг друга (ни разу не пересекались благодаря моему умению разделять человеческие потоки), но в данном вопросе выступали единым фронтом. Вадик боялся, что мои проблемы перекочуют к нему, а Шура (очень я на это надеялась) боялась за меня...

С понедельника начиналось что-то похожее на лето. Выходные прошли мимо – я боялась пуще огня выходить из квартиры и общалась с подчиненными по телефону. Очнувшись в понедельник задолго до рассвета: ужас, уже четыре утра, а мы еще не работаем! И начались муки: я вертелась,

грызла подушку, ни в какую не могла уснуть. Ладно, сказала я себе, спать нельзя, зло не дремлет. Несколько часов расплывчатой зыбью слонялась по квартире, отбиваясь от призраков прошлого и настоящего. Незванные мысли лезли в голову. И почему я так уперлась в свою «Корзинку»? Почему не могу ее продать и начать новую жизнь? В чем причина ослиного упрямства? Приключения женщины и логики? Я вспомнила свинцовую щетину атаковавшего меня незнакомца, и в сотый раз мурашки поползли по коже. В выходные никто не посягал на мою личность. Почему я так зациклилась на этой щетине? В половине восьмого утра – раньше, чем обычно – я осторожно отперла дверь, на цыпочках вышла из квартиры, прислушалась. В подъезде было тихо. По стеночке добралась до угла, высунула нос на лестничную площадку, убедилась, что там не притаилось зло. А когда побежала к лифту, загремела дверь напротив, и нутро 17-й квартиры исторгло соседку Эльвиру Абакумову. Я превратилась в ледяную статую. Во-первых, испугалась, во-вторых, она так выглядела... От пятничной фривольности не осталось и следа. Строгая прическа, солидный головной убор, ладно сидящая майорская форма с идеально отглаженной юбкой. Макияж был исключительно в меру: немного помады, немного туши на ресницах. Под мышкой она держала папку с ремешком, которую можно носить на плече. «Потому и не встречались, – мелькнула мысль, – она раньше уходит».

– С добрым утром, – добродушно поздоровалась Эльви-

ра. – Вольно, соседка, разойдись, чего вы такая напряженная? Каждого звука теперь боитесь? – Она всмотрелась в мое лицо и укоризненно качнула головой: – Вы – наглядное подтверждение расхожей фразы, Евгения: время не идет – оно уходит.

– Так плохо выгляжу?

– С вашими данными могли бы лучше, – забренчала ключами соседка. Убрала их в карман и повернулась ко мне: – Все в порядке? Лицо у вас... как бы это выразить, чтобы не обидеть...

– Знаю, – сглотнула я. – От поезда отстала. В умственном развитии.

– Могу помочь? – рассмеялась Эльвира.

– Можете, если мозгов подбросите.

– Вы не по сезону сегодня. – Она критично обозрела мой наряд, включающий теплое демисезонное пальто и такие же сапожки. – В принципе, лето в Сибири. Слушали прогноз?

– Слушала, – тупо кивнула я, – днем светло.

– А вы юмористка. – Эльвира хотела засмеяться, но передумала. – Вы замужем? – поинтересовалась она. – Дети есть?

– Нет. Ни того, ни другого. А вы?

– Разведена. Шесть лет как в разлуке. Детей не получилось. А мы с вами похожи, соседка.

– Немного. Я – вдова, Эльвира. Мужа убили чуть больше года назад.

– Да ладно? – изумилась соседка, отвесив довольно раз-

витуую челюсть. – Ни хасе... – И смутилась: – Простите, Евгения...

– Все в порядке, – улыбнулась я.

– Какой уж тут порядок, – проворчала Эльвира. – У вас же пятикомнатная квартира? – кивнула она на стену, отстоящую от лифта.

– Ну да, – согласилась я.

– Так и есть, – тряхнула головой соседка. – Ваша квартира изогнута, наши спальни отделяет тонкая стенка. Постоянно думаю: кто там за стеной ночами плачет? Не каждую ночь, конечно, но довольно часто. Ох, милая, не смущайтесь. – Она доверительно улыбнулась и коснулась моего плеча: – Я такая, немножко вульгарна, прямолинейна, рублю с плеча. У всех у нас одна болезнь – одиночество, нехватка мужчин. Но и в браке, уверяю вас, есть свои отрицательные стороны. Знаете, как ныл мой муж в последний год? Он обнаружил, что кровь берут из того пальца, на который надето обручальное кольцо. Представляете?

Я задумалась. Действительно, из того пальца...

– Все мужчины одинаковы, – авторитетно озвучила сермяжную истину Эльвира. – Да и шут с ними. Нас все равно больше. Если будет война, мы их победим, верно? Ох, простите, душечка, – заторопилась она, глянув на часы. – Работа не ждет, должен же кто-то стоять на страже правопорядка. Каждое мгновение расписано, живем с посекундной тарификацией, блин...

– Конечно, Эльвира, удачного дня. Я тоже пойду. Машина, к сожалению, в ремонте, но тут недалеко...

– Вам в какую сторону?

– На Каменскую...

– Пойдемте, – решительно потянула меня за рукав Эльвира. – Служебная тачка у входа, шофер заждался, мы вас подбросим. Да идemте же, – настаивала она, видя мою нерешительность, – никто вас не арестует, пока не за что. А давайте с мигалками через пробки?

Было в ней что-то озорное, бесшабашное, никак не характерное для майора полиции. Хотя кто их знает, какие они, эти майоры? Мы сидели на заднем сиденье полицейского «Форда», я усиленно робела, а Эльвира посмеивалась, глядя на меня.

– Вы тоже живете в пятикомнатной квартире? – спросила я, чтобы заполнить паузу.

– Что вы, мы народ небогатый, – охотно отозвалась соседка, – две комнаты и коридор. Обычная квартира. Ну, вроде как улучшенной планировки... – Она с каким-то любопытством покосилась на меня: – Оправились после пятничного инцидента?

– Не совсем, – вздохнула я. – Всякая чушь лезет в голову. Злодея не поймали?

– Найдут, – самоуверенно заявила Эльвира. – А не найдут – не ваша печаль. Он больше не вернется в наш дом. Вы точно больше ничего не вспомнили? Может, наличие примет,

помимо тех шрамов? Или он что-то сказал?

– Ничего он не сказал, – пробормотала я, – молчал как рыба.

– Ну, и ладно, – отмахнулась Эльвира, – меньше слов – дешевле телеграмма.

Зазвонил мой сотовый. Это была Любаша – заведующая точкой на Каменской, куда я, собственно, и направлялась.

– Прошу простить, Евгения Витальевна, за ранний звонок, – защебетала она, – вы обещали подъехать, я уже работаю...

– Подъезжаю, – проворчала я. – Что у вас вчера стряслось?

– Недостача, Евгения Витальевна, – дрогнул голос у заведующей. – Надежда взяла три дня за свой счет – кто-то умер у нее. А как ушла, не досчитались 25 тысяч – всей выручки за два дня. Вера говорит, что деньги убирала в сейф, инкассации давно не было...

Я чуть не застонала. Как меня достали эти Вера, Надежда и Любовь на улице Каменской!

– Вера на месте?

– Отпросилась до обеда, – стушевалась Любаша. – Провериться ей надо, Евгения Витальевна... Это самое у нее... Месячных нет.

– Месячных нет? – вскипела я. – И что бы это значило? Беременность? Климакс? Смерть? Увольнение с работы уже сегодня? Черт знает что... – И, отключив телефон, злобно запыхтела.

– Перейдем на «ты»? – предложила Эльвира.

– Перейдем, – решительно кивнула я.

– А ты ничего, соседка, тоже заводишься, – уважительно констатировала Эльвира. – Так их, лоботрясов, гони к такой-то матери. Проблемы, что ли? Требуется квалифицированная правоохранительная помощь? Ты не смущайся, помогу по-соседски.

– Разберусь, – вздохнула я. – Сами с усами. Спасибо, Эльвира.

Через несколько дней мы снова с ней встретились – теперь уже в супермаркете. Я выбирала освежитель, а она подъехала сзади с тележкой и ткнула пальцем в пузатый флакон с потускневшей надписью «Новинка».

– Вон тот бери, соседка. Не знаю, как насчет других запахов в доме, но мужицкий изгоняет напрочь. Проверено.

Мы посмотрели друг на друга и засмеялись. У Эльвиры был усталый вид. И полицейская форма на ней сидела как-то скучно. Она держала за горлышко бутылку безумно дорогого французского коньяка.

– Выпьем, соседка? Напьемся в хлам, поболтаем о чем попало? Но только не сегодня, сегодня никак, до койки бы доползти. Не шучу, Евгения, подгребай завтра часикам к восьми. Путь не дальний от твоей халупы, такси можно не брать... Да не смотри такими глазами – это маленькие «ноль-семь», не сопьемся...

Я пришла к ней на следующий вечер – немного настороженная, под напряжением. Кто их знает, этих майоров полиции в женском обликии, – а вдруг они воинствующие лесбиянки? Но нет, обошлось, Эльвира оказалась обычной, хотя и довольно непринужденной женщиной. В интерьере, впрочем, не чувствовалось наличие женской руки – местами элегантно, стильно, но порядок Эльвира поддерживала нечасто и как-то выборочно. Половина вечера ушла на то, что я озирала ее углы, мысленно вытирала пыль и переставляла мебель. Это не помешало нам выпить до «зеленых человечков» – благо завтра был условно выходной день. Эльвира потчевала меня деликатесами из кулинарного отдела самого пафосного в городе гастронома, поила дорогим коньяком.

– Сопьюсь, соседка, – сконфуженно призналась я, заедая огнедышащую смесь мясистой оливкой, – то с подружкой выпиваю, то с тобой.

– Ерунда, – громко чавкая, отмахнулась Эльвира. – Ты даже не представляешь, как квасят в полиции, и ничего, не спиваемся. Мусорная работа, только так и держимся на плаву. Давай по второй, – подняла она стопку, – за бабское одиночество – штуку, всесторонне оправдывающую женский алкоголизм.

Мы славно провели вечер (до того момента, пока не отказала память). Эльвира травила ментовские анекдоты, я смеялась. Потянуло в меланхолию, я стала жаловаться на жизнь, рассказала о своем покойном муже, расписывала, как ста-

ла жертвой киднеппинга, – на этом месте Эльвира перестала есть, открыла рот и смотрела на меня восхищенными глазами.

– Ну ты дала, соседка... – уважительно поцокала она. – Молодец, не сломалась, растешь в моих глазах. Черт, не знала про эту историю – я ведь только полгода в Центральном развед... тьфу, в центральной ментуре работаю.

Заметив, что я ухожу в депрессивный анабиоз, она сменила тему, стала с хохотом повествовать о своей неудачной попытке наладить семейную жизнь. О крохоборстве мужа, об отчаянных его попытках забраться под каблук жены и тихо там сидеть, ни о чем не помышляя.

– Вот на хрена мне такой мужик, скажи? – бормотала захмелевшая Эльвира. – Подчиненных мне и так хватает – только и делают, что в рот заглядывают да спешат услужить, а за спиной гадости говорят. Мужик мне нужен, а не эта размазня... Заработать денег толком не может. Что-то сделать своими руками – тоже, потому что руки не оттуда растут. Ходит весь пришибленный, запуганный, в каждой покупке выгоду высчитывает, каждую копейку перебирает... Рассказать его любимую фишку? – засмеялась она. – Поднимается на лестничную площадку, достает ключи, но вытирает ноги не о свой коврик под дверью, а о соседский, чтобы свой не пачкать. Представляешь? И только после этого заходит в квартиру. Я как увидела, меня чуть не стошнило...

Мы досиделись до того, что я вообще не помнила, как

оказалась дома. Хорошо, что дома, а не на стройке. Проснулась в собственной кровати – разобранная, немытая, исполненная глупых предчувствий, основанных непонятно на чем. Зазвонил телефон, я схватила трубку и облегченно вздохнула, услышав ехидный голос Шуры:

– И что у нас с хорошими новостями, подруга?

– За хорошими новостями не ко мне, – хрипло отозвалась я.

– Спишь, что ли? – удивилась Шура. – Но у вас уже одиннадцать утра.

– Болею, – призналась я.

– Подожди, сейчас догадаюсь... С соседкой отмечали день единства всех незамужних женщин мира?

– Не ревнуй, это всего лишь соседка. Подожди, – клетки мозга понемногу просыпались, – что значит «у вас уже одиннадцать»? А у вас?

– А у нас двенадцать, – невозмутимо отчиталась Шура. – Я немного не дома. Рудик вывез на Бали – очень хочет мне понравиться.

– Так ты сейчас на Бали? – поразилась я.

– Ну да, – удивилась она. – А что такого? Это не Антарктида, в конце концов. Здесь полно нашего брата. Вот лежим в пятизвездочном номере, с террасы заглядывает солнышко, повсюду пальмы, пальмы... аж выходить туда не хочется. Звоню из кровати, Рудик спит, устал за ночь, доказывая свою великую и всепобеждающую любовь. Я тоже, знаешь

ли, немного устала, – с жеманными нотками призналась Шура. – Это была непростая ночь. Такая, знаешь, с элементами героической эротики... – и добавила, что-то уловив в моем насыщенном ядом молчании: – Вот только не надо злобно хрюкать из подворотни, подружка.

– Больно надо! Делай что хочешь. Мы с тобой по разные стороны кошелька. А кто обещал быть со мной? В радости и в горе? Кто обещал, что я всегда могу на тебя положиться?

– Что-то не так, Евгения? Пришло время, чтобы на меня положиться? – сразу посерьезнела подруга.

– Да нет, все в порядке, – вздохнула я. – Бытие застыло и никуда не стремится.

– Понятно, – задумчиво произнесла Шура, – значит, злодея, напавшего на тебя в подъезде, не нашли и не искали. Повторно он не объявлялся. Полиция на страже. Свой бизнес ты не продала.

– Другое в голове, – отбилась я.

– Но не мозги, это точно. Ремня кому-то надо. По первое число. Бросай свой вялотекущий энтузиазм, он до добра не доведет. О боже, когда же ты наконец начнешь слушать умных людей, а не собственных тараканов? И отстаивать не свою точку зрения, а правильную? И убери мнение с лица – я его не вижу, но знаю, что оно там есть. В общем, я с тебя не слезу, подруга. Вернись на родину и сразу возьмусь за твоё воспитание. Мы продадим твоё убыточное и опасное хозяйство, продадим твою квартиру, купим новую – в таком ме-

сте, чтобы оно ни о чем не напоминало. Гы-гы, – хохотнула Шура. – Не волнуйся, я помогу тебе донести эту покупку до дома. У Рудика, как выясняется, роскошные связи в юридических кругах, так что нас не разведут со всеми этими сделками...

– И когда ты намерена вернуться? – перебила ее я.

– Ну, не знаю. Следующую недельку еще поварюсь в этом зеленом аду, а там – посмотрим. У Рудика к моей персоне долгоиграющие любвеобильные планы, и мне самой интересно, что у него получится. Хотя, знаешь, подруга, признаться честно, он мне уже слегка надоел. Вот смотрю, как он сопит под шелест прибоа, и не могу, в Сибирь хочу, в ссылку, на каторгу...

Я продолжала общаться с соседкой. Это не раздражало. Эльвира заглянула в понедельник, одолжила лапшерезку, пообещала, что вернет завтра, о чем благополучно забыла. А мне неудобно было напоминать. В среду она завалилась с бутылкой, но теперь мы не усердствовали. Выпили по рюмашке, расслабились, разговорились. Я настрогала салатик из прошлогодней капусты, засыпала ее брусникой.

– Совсем не бывает в этом доме мужиков? – озирая бескрайние интерьеры жилплощади, поинтересовалась Эльвира.

– Бывает один, – махнула я рукой, – Вадик из прокуратуры.

– Да хоть папа из Ватикана, – фыркнула Эльвира. – Он не приносит тебе счастья – по тебе же видно. Кто такой?

Я рассказала.

– Надо же, – заинтересовалась Эльвира. – Практически целый прокурор. Не обижайся, соседка, но, по ходу, та еще сволочь. Трус, эгоист, прохвост – из тех, что обещают золотые горы, а сами никогда не разведутся с женами.

– Да знаю, – вздохнула я. – Это так, на безмужичье. Временное явление.

– Постепенно переходящее в постоянное, – ухмыльнулась Эльвира, – пока ты ему окончательно не надоешь. Ладно, дорогуша, тебе решать. Твоя жизнь. Кстати, ты не поверишь! – Она сделала большие глаза и даже вскочила со стула. – Я, собственно, зачем к тебе пришла? Взяли парня в Железнодорожном районе – похоже, тот герой, что раскрасил твою серую жизнь!

– Да ты что? – разволновалась я. – А твои коллеги уверены, что это он?

– Кто ж его знает, – развела руками Эльвира. – Он пока не отчитался о своих последних криминальных подвигах. Хотя, может, уже и отчитался... Напал на женщину, когда она выходила из лифта. Хотел вырвать сумочку. Барышня оказалась тренером по женской самообороне. Возвращалась с тренировки усталая, да еще и муж ушел неделю назад. Представляешь, сколько злобы у нее к мужикам? А тут отличный повод ее выместить. Сломала ему ключицу, порвала ноздри,

пересчитала ребра, а в завершение хотела оторвать достоинство в качестве трофея, но решила не ссориться с Уголовным кодексом, а только чуть-чуть раздавила. Потом торжественно сдала оперативно прибывшим органам.

– Шрамы на пальце? – встрепелась я.

– Выясняется, – пожала плечами Эльвира. – Будем снисходительны к коллегам из другого района – они тупо не в курсе. Поступила общая информация. Задержанный находится в больнице – хм, с травмами различной степени тяжести, причем, заметь, менты его не били. М-да уж, есть еще бабы в наших полуторамиллионных селениях... Некто Луговец, дважды сидел за мелкие кражи и нанесение телесных повреждений, сопряженных с риском для здоровья... Не хочешь опознать своего паршивца? – внезапно спросила она.

– Эльвира, пожалуйста, не надо, – взмолилась я, впадая в бесконечный ужас. – Я же его не запомнила, какой от этого толк? Пустая трата времени и нервов.

– Ладно, живи пока, – снисходительно усмехнулась Эльвира. – Не будем тебя беспокоить. Ты не пострадала, да и трудно твой случай рассматривать как криминальный эпизод. Может, ему скучно было, хотел тебе руку пожать?

С души свалился камень весом с экскаватор. Я была уверена, что люди, стерегущие мой покой, взяли «того самого». На работе тоже стояло хрупкое затишье (очевидно, перед новым бомбометанием). В четверг в мою квартиру поскреблись, и я впустила на порог нервного Вадика Суховеева, оде-

того в настоящий прокурорский мундир, кое-как вуалируемый тонкой ветровкой. Смазливая физиономия «приходящего» любовника подрагивала от волнения. Я давно уже заметила, что он неохотно приходит ко мне домой – то ли опасается, что его застукают соседи, то ли боится подставить видеокамерам свое открытое, целомудренное личико. Но тем не менее приходит. Во-первых, так проще: не надо ломать голову, в какой мотель податься (а потом еще домой везти «отработанный материал»), во-вторых, дешевле – сойдет и щуплый букетик. Вот и сейчас он торопливо запер за собой дверь, расплылся в блудливой улыбочке и сунул мне жалкий веник из хризантем (которым, похоже, не так давно подметали пол).

– Вадик, неужели ты развелся? – подколола я, выбираясь из потных объятий.

Он испугался, но виду не подал.

– Милая, как тебе не стыдно? Как ты можешь такое говорить? Ведь такие дела не делаются со скоростью пулемета...

Комментарии не требовались. Пулеметная очередь длиною в год – это зрелище.

– Милая, я страшно соскучился... – Он наседал, а я отступала к спальне, ведя оборонительные бои. Отступать в другом направлении было глупо. Вадик как Штирлиц – все равно уговорит и выкрутится. Зачем же время терять? – Дорогая, я так по тебе истосковался... Две недели не виделась, я так страдал... Жена приехала из Голландии и сразу слегла –

надеюсь, это не СПИД, – вымученно пошутил Вадик. – Ей постоянно нужны лекарства, уход...

«Так уйди», – чуть не вырвалось из меня, но я промолчала.

В результате упорных оборонительных боев мы все же рухнули на койку, и Вадик самозабвенно отвел душу. А потом перевернулся на спину и как бы невзначай глянул на часы.

– Получил дозу позитива? – отдышавшись, спросила я.

– О да, крошка... – с энтузиазмом отозвался Вадик. И тут же спохватился: – А ты?

– А я не-а, – вздохнула я и натянула на нос покрывало.

– О, дорогая, мне так жаль... – с чувством начал Вадик и замолчал, не зная, чем отвлечь меня от такого «горя». – Ты говорила на прошлой неделе, что на тебя напали? – вспомнил он. – Может быть, я неправильно расслышал твои слова по телефону...

– Серьезно? – изумилась я. – Родной, ты все напутал. Может, ты с кем-то другим разговаривал?

И стала терпеливо ждать, пока он соизволит отвалить. Вадик не обманул моих ожиданий – исчез как утренний туман, взяв с меня слово, что я буду с нетерпением ждать его дальнейших визитов. Терпения хватило, чтобы закрыть за ним дверь, а потом пойти в ванную и вылить в раковину очередную порцию слез.

В пятницу все было нормально. Вадик на горизонте не

появлялся, люди с вкрадчивыми голосами не звонили, государство не доставало. Позвонила бухгалтер, отрапортовала о прибыли за текущий квартал. «Эх, – тоскливо подумала я, – сохраниться бы на этом уровне».

Вечером я заглянула к Эльвире с бутылкой неплохого сухого вина. Соседка обескуражила – стояла у распахнутого шкафа посреди груды тряпок и уныло созерцала «винтажные» джинсы с множеством заплаток.

– Открываю шкаф, – невесело констатировала она, – а оттуда мне на голову вываливается все, что нечего надеть.

– На расстрел, что ли, нечего надеть? – изумленно уставилась я на этот раритет.

Эльвира швырнула джинсы на диван и скептически покосилась на бутылку вина в моей руке:

– Докладываю, соседка: нужно что-то немаркое, прочное, способное выдержать соседство с живой и неживой природой. Желательно непромокаемое, огнестойкое. – Она немного подумала и добавила: – И пуленепробиваемое.

– Страсти-то какие, – поежилась я. – Все понятно. Ты едешь на пикник.

– День рождения в субботу.

– У кого?

– У меня.

– У тебя день рождения?

– Ну, ёксель-моксель, – простодушно всплеснула руками Эльвира. – Я не похожа на человека, у которого может быть

день рождения?

– Но это неприлично с твоей стороны, – возмутилась я. – Могла предупредить. Я что, на ночь глядя побегу за подарком?

– Забей! – поморщилась она. – Будешь должна. А поехали с нами? Я серьезно, Евгения. Веселый необременительный пикничок с выездом на природу. Развеемся от дел непосильных. Личную безопасность гарантирую. Будут несколько мужчин из нашего управления, девчонки из следственного отдела. Мужики нормальные, не волнуйся. Все как на подбор, майоры и капитаны, люди положительные. Парочка неженатых, но у них отличное европейское воспитание.

– Ну, не знаю... – Я занервничала. Вот только с ментами еще не приходилось отдыхать.

– Все, решено, – тряхнула распущенными кудрями Эльвира, – никаких капризов. Ты – моя соседка и обладаешь статусом особой неприкосновенности. Едем в Араканский бор, поздно вечером возвращаемся. Транспорт – служебный, водители не пьют. Девяносто верст от города – заповедное место, бывший Громовский заказник на юге Аракана. У нас там что-то вроде... гм, базы. Никаких посторонних, территория заказника огорожена – несколько квадратных километров сушей пасторали. Какие там места... – Она мечтательно уставилась на потолок. – Нетронутые леса, ручьи, речушки, водохранилище в четырех километрах от базы... А какие живописные там скалы и водопады, ты бы только виде-

ла... Мы будем отдыхать, нежиться на солнышке, болтать о насущных женских делах... Не забывай, соседка, лето на календаре. Оглянуться не успеем, как оно кончится. В общем, не приемлю отказа, быстро выпиваем твой «сухарь» – и иди собирайся. Найдешь в чем выехать на пикник на один день? В семь утра выходим на Мичурина, нас подберут и повезут в гости к сказке...

Что я здесь делала? Все изменилось за какую-то жалкую ночь. Я даже толком не поспала. И зачем поехала на этот пикник? Уверовала, что все хорошо, что светлая полоса в жизни еще не кончилась и я нахожусь под защитой закона? Избавь нас боже от такой защиты... Мелькала бледная мысль: а почему мы с Эльвирой должны тащиться на Мичурина? Трудно шоферу въехать во двор? Но мысль не засиделась – мало ли что... За каждым заезжать – весь день народ собирать. И снова неприятно засосало под ложечкой, когда Эльвира подхватила меня на обочине и стала подбрасывать в воздух. Она смотрелась убедительно – джинсы в заплатах, жилетка с множеством карманов, похожая на бронежилет. Пышные волосы скручены под бейсболкой, надетой задом наперед.

– Говорила кому-нибудь, что едешь на пикник? – спросила она как бы между прочим.

– Интересно кому? – пожала я плечами. Вадик не звонил и не являлся. Шура нежилась на Бали и плевала с высокой

пальмы на лучшую подругу.

– Вот и славно, – расплылась в доброжелательной улыбке Эльвира. – Ух и нагуляемся сегодня, соседка... Опять не по сезону оделась?

Ну, да, я такая мерзляка. На градусник, гласящий, что за бортом какое-никакое лето, я даже не смотрела. Натянула самые прочные зеленые джинсы (чтобы не диссонировать с природой), водолазку, штормовку, отыскала в чулане забытые кроссовки и вдохнула в них вторую жизнь. В сумке, висящей через плечо, имелось все необходимое для автономного плавания. Не успела я разобраться со своими чувствами и желаниями, как к бровке подкатил немытый мини-вэн, и из окна высунулся упитанный водитель с голым черепом. Я вздрогнула: Шрек какой-то. Непропорциональная голова с мясистым носом, мутные глазки, глумливая улыбочка.

– Здравия желаем, Эльвира Алексеевна, – возвестил водитель и подмигнул мне, не смущаясь начальства. – Наше вам с кисточкой, как говорится.

– Рано встаешь, Бабаюшка, молодец, – похвалила Эльвира, подталкивая меня к отъехавшей дверце.

– Кто рано встает, того еще не уволили, Эльвира Алексеевна, – гоготнул бритоголовый. – Загружайтесь, милости просим. Вы последние, все на месте.

– Что, соседка, не по себе стало? – хихикнула Эльвира, заметив мою неоднозначную реакцию. – Да уж, этот парень страшен, как первородный грех. Но добряк, свой человек.

Сержант Бабаев, партийная кличка – Бабай. Присаживайся, дорогуша, все в порядке, чего так зажалась?

Мелькнула мысль отказаться от сомнительного удовольствия, но Эльвира уже подсаживала меня в микроавтобус. С пронзительным воем захлопнулась дверь, водитель взял с места в карьер – и меня понесло на чьи-то колени... Я прокляла тот час, когда согласилась на это «культурно-развлекательное мероприятие»! Впрочем, поначалу все было относительно пристойно. Меня вполне галантно пересадили на свободное место спиной к водителю, Эльвира устроилась где-то дальше. Смеялись мужчины, одетые по-походному, в проходе громоздились рюкзаки и сумки. Хихикали две девицы, разбавляющие мужскую компанию. Они вели себя по-своему: одна курила, выпуская дым в окно, другая заразительно зевала в перерывах между попаданием в рот смешинки. На меня поначалу не обращали внимания. Водитель проби-вался сквозь неплотный субботний трафик, басил, что, когда нет пробки, он чувствует себя как-то неуверенно. Мужчины болтали, перемежая речь сальными словечками. Мы выехали из города, пронеслись мимо научного центра, известного во всем цивилизованном мире. Возбуждение в салоне нарастало. Эльвира усмехалась, приглушенно переговариваясь со статным мужчиной лет тридцати пяти – обладателем опрятной модельной стрижки. «Что я здесь делаю?» – с нарастающим беспокойством думала я. За окном мелькали пригородные сосновые леса. Город-спутник со сотысячным насе-

лением остался за бортом. Очнулся упитанный субъект на заднем сиденье и принялся травить пошлые анекдоты – бородатые, как автор «Войны и мира». Тупо ржал «молодой человек спортивного телосложения» с неприятным рыбьим лицом и выпуклыми глазами.

– Ну, что, любители экстремальных видов спирта? – провозгласил рыхлый субъект средних лет, взгромождая на колени рюкзак и извлекая из него квадратный штоф от текилы, наполненный чем-то мутным и явно не «родным». – Есть желающие размяться деревенским вискариком?

Инициатива была встречена с пониманием и одобрением. По рукам отправились разовые стаканчики. Мне тоже сунули – поколебавшись, я взяла. Все эти люди чувствовали себя непринужденно, в отличие от меня. Они смеялись, провозглашали «профессиональные» тосты, я ловила на себе заинтересованные взгляды. Эльвира изобразила знаком: давай, вздрогни, полегчает – и наглядно проиллюстрировала, как это делать. Я отхлебнула – и впала в кому с первого глотка. Судорога сжала пищевод, глаза вылезли из орбит. Выпивать мне, конечно, приходилось всякое, но чтобы такой огнедышащий горлодер...

– Зажуй, детка, зажуй, – тянул мне формочку с салом обладатель «эксклюзивного» самогона. – Уж не обессудь, самая скромная в нашей компании – это закуска.

Самогон закончился быстро. Дамы пили наравне с мужиками. Временами с необъяснимым пренебрежением (хотя и с

интересом) они поглядывали в мою сторону. Рыхлый мужичонка извлек из рюкзака бутылку водки, пафосно возвестил:

– Для чего создана водка, господа? – и сам ответил на свой сакраментальный вопрос – под дружный хохот собравшихся: – Чтобы русские не правили миром – для чего же еще?

– Михеич, ты увлекся, – заметила Эльвира, хитро глянув в мою сторону. – Давай по одной и затыкай сосуд обратно. Спешите, господа менты, мы еще даже не доехали!

– Рыбалка, блин, как в анекдоте! – захохотал упитанный пошляк на заднем сиденье. – Два ящика водки, удочки не берем, из машины не выходим!

– Не вопрос, Эльвира Алексеевна, – покладисто буркнул Михеич, разливая в тянущиеся к нему стаканы. – Еще по одной – для стабилизации, так сказать, приподнятого настроения, – и больше ни грамма! – И добавил под гогот группы поддержки: – Все равно скоро приедем!

Я чувствовала себя какой-то угнетенной в этой компании. Микроавтобус катил по загородной трассе – мимо загнивающих деревень, мимо заправок и станций техобслуживания. Половину пути уже проехали, цивилизация сходила на нет. Градус веселья повышался, я все чаще ловила на себе любопытные взгляды, и это напрягало. Эльвира отстранилась, ей было не до меня, она увлеченно щебетала с дамами. Впрочем, процесс представления происходил. Я уже знала, что сидящий напротив рыхлый Михеич носит неблагозвучную фамилию Пузень, трудится сменным дежурным по

управлению. Статный господин с модельной стрижкой – капитан Шалашевич, заместитель начальника районного уголовного розыска. Упитанный пошляк – Додик Плющихин, еще один зам в отделе экономической безопасности и противодействия коррупции. «Молодой человек спортивного телосложения» с выпуклыми глазами отзывался на фамилию Вайман, имел звание старшего лейтенанта и работал в отделе оперативно-разыскной информации. Еще один невзрачный тип, сидящий сзади, – начальник отдела по противодействию экстремизму Колодяжный, он единственный, кто вел себя сдержанно, больше слушал, чем говорил. Разбитные девицы работали в следственном отделе, доросли до старших лейтенантов. Эффектную блондинку с вытянутым лицом представили как Инну Островную. Вторую – темноволосую, круглолицую, со вздернутым носом и кожей, истосковавшейся по хорошему пилингу, – Галиной Кулебякой. Брюнетка поморщилась – свою фамилию она, похоже, недолюбливала. Веселье разгорелось, когда Галина собралась прикурить, а машину вдруг занесло, сигарета выпала изо рта, Галина завизжала, стала стряхивать ее с себя и заехала кому-то локтем. В салоне воцарился хаос. Брюнетка материлась, проклинала водителя, не научившегося ездить, остальные надрывали животы от смеха.

– В результате неосторожного обращения с огнем... – хорошо поставленным голосом Левитана начал капитан Шалашевич. И, не закончив, разразился хохотом.

– Нервная ты сегодня, Галка, – прохрюкал Плющихин. – Мужика, что ли, потеряла? Слушай, а ты вообще сейчас с кем спишь?

– Не твое дело, Плющихин, с кем я сплю, – фыркнула брюнетка. – Главное, что высыпаюсь.

Народ непринужденно гоготал, а во мне сжимался стальной обруч. Я лихорадочно обдумывала причину, чтобы покинуть эту милую компанию и на попутке вернуться в город.

– А почему Маринка Кожемякина с нами не поехала? – крутил головой старлей Вайман. – Девчонки, вы же не разлей вода, что это с ней?

– У Маринки скоро появится человек, – утробным голосом возвестила блондинка Инна.

– Это как? – не понял старлей.

– Вайман, ты тупой? Как, по-твоему, появляются люди? Ей нельзя пить, курить, а также ржать как лошадь. А с вами чем еще заняться?

– И как она решилась? – передернула плечами брюнетка.

– Обе сестры уже родили, – объяснила Инна.

– И что? – удивился Шалашевич. – Это вдохновило ее на создание собственной версии?

– Бедная Маринка, – глумливо ухмыляясь, пробормотал Вайман, – у нее такая проблемная фигура...

– Рожа у нее проблемная, – прыснул Плющихин.

Меня уже тошнило. По салону стелились запахи перегара и сигаретного дыма. Что происходило? Я видела, как изме-

нилась Эльвира. В ее глазах обосновался прохладный блеск. Она перестала мне улыбаться, смотрела так, словно я ей что-то должна и отказываюсь это дать. С каждой минутой блеск в глазах становился значимее. Это было совсем не то, что обещали! Где порядочные работники правоохранительных органов, умеющие вести себя в приличном обществе? Еще не сели? Девицы разглядывали меня иронично, с прищуром, как бы оценивая, на что я способна (в каком, простите, плане?). Скабрёзно усмехался Вайман, сидящий напротив. Он сверлил меня похотливым взглядом, глаза его выпячивались еще больше, а на губах застыла циничная улыбка. Шалашевич подмигнул мне и послал воздушный поцелуй. Затем в меня вперились масляными глазками Плющихин, сидящий на галерке. Оторвался от спинки сиденья неразговорчивый Колодяжный, заерзал Михеич – расстояние между нами сначала было «пионерским», потом стало сокращаться. Иностраный предмет, предположительно рука, коснулся моего бедра. Ощущения были ужасные, во мне все замерло.

– Михеич, – строго сказала Эльвира, – ты уверен, что все делаешь правильно?

– Ну да, согласен, – подумав, признал Михеич. Иностраный предмет уже не беспокоил. – Неудачная попытка. Прости, о, удивительная, я поспешил.

Меня обуяла паника. Я собралась повернуться к водителю, попросить об остановке, но двигатель вдруг закричал, закудахтал, в нем что-то лопнуло, и машина пошла накатом.

Водитель, с «безобидной» внешностью мультипликационного персонажа, выплюнул неприличное словцо и сдал свой транспорт к обочине. Из-под капота повалил дым. Народ загудел.

– Бабай, твою налево, уволю, к чертовой матери! – ахнула Эльвира.

Я шевельнулась, чтобы дать тягу, но Михеич как бы невзначай выставил ноги, подался вперед, и пробиться уже было невозможно. Паника в голове зашкаливала. Что происходило?! Бабай тем временем вывалился наружу, распахнул капот, поковырялся в двигателе. Потом вернулся, вновь попробовал завестись. Но двигатель лишь кашлял и вхолостую тархтел.

– Не работает, падла! – взвыл он.

– Кто не работает, тот сломался, – невозмутимо заключил Шалашевич. – Эльвира Алексеевна, звоните, чего вы ждете? Оболтусы Джулая и Калинина нас не обгоняли, они сзади.

Я догадывалась, что пассажиры микроавтобуса – не весь состав «выездного собрания». Эльвира выхватила телефон, стала кому-то звонить. При этом она пристально смотрела мне в глаза, и во взгляде этой дамы четко переливались кубики льда. «В какую же засаду я угодила? – лихорадочно переваривала я. – Что случилось с соседкой? Когда она была настоящей – сейчас или тогда? Зачем ей это надо?!» И снова все пришло в движение. Прерывисто гудя звуковым сигналом, мимо нас промчался аналогичный микроавтобус. Пуб-

лика возмущенно загалдела. Водитель сжалился, остановился и медленно, нарочито издеваясь, принялся сдавать назад.

– Йес! – заверещал упитанный Плющихин. – Умчи меня, олень! Давай, лунолика, выгружайся! – подтолкнул он застрявшую поперек прохода брюнетку.

Публика пришла в движение – с гоготом люди выбирались из салона на обочину. Меня подхватили за локти, куда-то потащили. Теоретически я могла воспользоваться сотовым телефоном, куда-нибудь позвонить (интересно куда – в полицию?), но как бы это выглядело? Вайман крепко держал меня за локоть, я не могла даже вырваться. Это был типичный полицейский произвол! Вся гадкая натура этих людей лезла из них, как гной из раздавленного прыща. Эльвира стояла у распахнутой дверцы второго мини-вэна и вталкивала людей в салон. Оттуда доносился беспорядочный гогот.

– Ну и как оно – в отрыве от семейной жизни, Михеич? – хрюкал за спиной Плющихин.

– Кайф! – охотно отзывался капитан Пузень. – Вырвался, как волк из клетки!

– Эльвира, что за дела? – прохрипела я, хватаясь за торец распахнутой дверцы. – Ты обещала, что ничего такого не будет...

– Милочка, ну что ты такая закомплексованная? – заулыбалась соседка. – В каждой хижине свои москиты, что ты хотела? Полезай в машину, полезай, будет весело, обещаю...

Меня внесло в салон, где находились исключительно му-

жики! Ни хрена себе, пикник! Я окончательно перестала соображать. Меня вдавили между двумя небритыми мужиками, а сзади все лезли и лезли.

– Ба, какой сюрприз! Доброе утро в нашей хате! Незнакомые лица! – Меня уже обсмотрели, ощупали, усадили к кому-то на колени. – Ты кто, красавица, признавайся? Блин, да ты тяжелая...

– Это ты дохляк, Шурик! – хихикала блондинка Инна, гнездясь в проходе у кого-то на плечах. – Она же плоская, как стиральная доска!

– Инночка, ты все перепутала, – кряхтела Галина, прорываясь на задние места, где ждали гостеприимные колени. – Не стиральная, а гладильная. На стиральной доске имеются хоть какие-то выпуклости...

Оскорбления в собственный адрес меня не трогали. Хотя, если вдуматься, второй размер – никакая не гладильная и даже не стиральная доска! Сами они такие! Дышать становилось нечем – даже с открытым окном.

– Эй, народ, вы охренели? – в отчаянии взывал водитель. – Куда вы лезете? Как я вас повезу?

– А нас колышет? – сипела Эльвира, которую я уже не видела. – Вези, извозчик, и чтобы довез! Бабаюшка, родной, а ты куда лезешь? А ну пшел отсюда, жди попутку, на тебя тут уже не рассчитано...

С противным скрежетом захлопнулась дверца, и перегруженная машина медленно покатила по дороге. «Уходит бри-

гантина от причала!» – завел кто-то сзади не вполне трезвым голосом.

– В тесноте, да не обедали! – хихикал другой.

– Да уж, набились как селедки, – кряхтел третий. – Явный перебор друзей Оушена.

– Давай знакомиться, милочка? – уперлась в меня расплывшаяся до ушей физиономия. – Майор Калинин. Павел Викторович. Я тут типа главный – в этой колымаге.

– А я – майор Джулай, –дохнуло в правое ухо еще одно мужское существо – чернявое, с оттопыренными ушами. – Я тоже типа главный. Ну, чего ты такая закомплексованная? – Он обнял меня за талию, и меня чуть не вырвало ему в физиономию.

– Серега, веди себя прилично, – засмеялся белобрысый Калинин.

– Это мы можем, – засмеялся чернявый. – Не поверишь, Пашка, однажды я поступил очень даже прилично...

Этим людям было весело, они смеялись, матерились через слово, отпускали сальные шуточки – а меня засасывало что-то липкое, зловонное. Пришло понимание, что всё, уже никогда не будет как раньше...

Я замкнулась, старалась не реагировать на раздражители. Отчасти это удавалось. Набитый полицейскими микроавтобус давно ушел с асфальта, пыхтел по проселочной дороге, направляясь к живописному сосняку. Через несколь-

ко минут мы уже катили по безлюдному лесу. Красоты природы не откладывались в голове. Араканский бор в окрестностях областного центра – не восьмое чудо света, но место очень красивое. Люди традиционно тянутся в эти края – рыбаки, грибники, любители ягод. Промышляют браконьеры, постреливая косуль, лосей. Под боком водохранилище, через которое курсирует паром из деревеньки Кирзовое. В Араканском бору не протолкнуться. Но там, где мы ехали, людей вообще не было! Громовский заповедник, – вспомнила я. Обособленная территория на юге Аракана, куда простым смертным дорога заказана. Я смутно отметила, как мы проехали нагромождение бревенчатых изб – местное лесничество. Дорогу преградил шлагбаум. Вышел водитель, с кем-то поболтал. Вскоре вернулся, и перегруженное авто подалось дальше. Снова пропускной пункт, ячеистая сеть налево и направо. Рослая ограда петляла между деревьями, пропадала в кустарнике. Здесь имелось подобие ворот. Мелькнула фигура в камуфляже – местный привратник. Мы снова петляли между дебрями шиповника, пока не выехали на берег речушки, выющейся между скалистыми берегами. Скалы громоздились уступами, формировали живописные террасы, на которых произрастало что-то стелющееся. Разреженный сосняк подпирал оба берега. Какое-то время дорога тянулась вдоль обрыва, погружаясь в низины, потом мы снова углубились в лес, за окнами замелькали ромашковые поляны, озаренные лучистым солнцем. А затем показалась

речка, на другой стороне которой мелькнул водопад, красиво извергающийся из расщелины между скалами, – и мы словно в яму провалились, дорога резко пошла под уклон! Водитель развлекался, набирая скорость, народ заливисто орал, я тоже что-то кричала. Микроавтобус вылетел на покатый пляж, усеянный живописными валунами, и красиво, с резким поворотом, остановился. В салоне перемешались ноги, руки. Распахнулась дверца, и ошалевшие менты, перемежая шутки матерками, посыпались на лоно природы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.